

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Правления Союза Советских Писателей СССР

№ 31 (945)

Среда, 6 августа 1941 г.

Цена 45 коп.

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Единый демократический фронт. ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. Утреннее сообщение 5 августа. ИНФОРМАЦИЯ. В фонд обороны. Москва героическая. НА ОЧЕРЕДНОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.

3 стр. Леон ПАСТЕРНАК. Фашизм — душитель польской культуры. Влад. БЕЛЯЕВ. Только факты... Проф. Зленек НЕЕДЛЫ. Форер людоедов. Давид ХАЙТ. Одна семья. Ян РЫКАЧЕВ. Этот день неделек. И. КРУТИ. Голландский народ против фашизма. СТИХИ. Из Гурбана-Ванского. Из Святополька Чеха.

4 стр. Олег ЭРБЕРГ. Рассказ лейтенанта. Проф. И. ЗВАВИЧ. Идеология вырождения. Вс. БАРИКТИН. Баллада о дружбе. А. ПОПОВСКИЙ. Отец и сын. Сесар М. АРКОНАДА. Мы ничего им не прощаем. Фридрих ВОЛЬФ. Литература Варваров.

ЕДИНЫЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФРОНТ

Фашистские бестины продолжают надирно кричать о «всемирном крестовом походе» против Советского Союза. Всем уже известно — «поход» не состоялся. Организация войска «крестоносцев-добровольцев» поворно провалилась. Несколько десятков воров, гроев, сутенеров и авантюристов — вот и вся «непобедимая рать», собранная гитлеристами в темных закоулках Европы.

Но так уж устроены мозги геббельсовских молдожков: когда разгромлена какая-нибудь очередная немецкая дивизия, они вопиют, что эта несуществующая уже дивизия вступила в... Ленинград; когда порабощенные народы Европы формируют партизанские отряды для операций в фашистском тылу, трубачи Гитлера трубят о «добровольческих легионах», храбро сражающихся под командой финских генералов. Чего доброго, можно ожидать — вдруг без остатка разгромленный под Смоленском полк, именовавшийся «Великой Германией», воскреснет под чарами Геббельса и оккупирует все континенты.

Понятно, почему граммофоны Геббельса без передышки играют одну и ту же пластинку о «крестовом походе». Надо, во-первых, как-нибудь успокоить охваченный тревогой немецкий народ, а во-вторых, действительно созданному единому антигитлеровскому блоку противопоставить хотя бы склянку, если нет других средств и сил.

Совершенно очевидно, что фашистская Германия потерпела жестокое поражение на междунаро-политической арене. Она очутилась в полной изоляции, окруженная стеной противников. Англо-советский блок, поддерживаемый Соединенными Штатами, означает объединение неисчислимых людских, экономических и военных ресурсов, мобилизацию таких огромных потенциальных возможностей борьбы, перед которыми дутая мощь Германии выглядит нищей и жалкой. «Влашпацинта» лжи и вероломства натолкнулась на решимость демократических государств всегдашняя лопачница с коричневой тьюгой.

Могущественный блок СССР и Англии опирается на сочувствие и поддержку огромных масс людей. Фашизм всеми народами мира объявлен вне закона, как режим преступников и детоубийц, как скрепленные злобыми и хищными врагов прогресса и культуры. Полностью оправданы слова товарища Сталина об особенностях отечественной войны советского народа: «Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под логот германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки...»

Да, мы не одиноки! И это удесятяет нашу мощь. С гордым сознанием своей высокой роли защитников Родины и избавителей угнетенных народов Европы сражаются с остревевающими гитлеровскими налетчиками красивые бойцы. Они знают, за что и за кого борются. Их храбрости и мужеству рукоплещет весь мир. На них с верой смотрят чехи и поляки, бельгийцы и норвежцы, голландцы и сербы. Героическое сопротивление Красной Армии, те удары, какие наносят немецкому фашизму на земле, на морях и в воздухе вооруженные силы нашей Родины, воскресили у страдающих и отчаявшихся было народов Европы надежду на освобождение. Их ненависть к нацистам постепенно претворяется в действие. В горах, лесах и селах Югославии сражаются неуловимые четники. В Польше, заливной Гиммером кровью, заставляющей востальными, растет партизанское движение. В Норвегии трусливые палачи вынуждены объявить чрезвычайное положение. В милой Роландии, в маленьких Бельгии и Дании, в мужественной Чехословакии, в распахнутой Франции миллионы людей живут, стиснув зубы и сквав кулаки от гнева, готовые отомстить тюремщикам-фашистам за позор и уничтожение своих стран, за издевательства над их национальным достоинством. На каждом шагу заклейменного свастикой фашистского солдата встречают ненависть и презрение. Его ненавидят за прищипленные страдания; презирают, потому что он — раб, слепо исполняющий волю кровавого зверга-Гитлера. Фашисты топчут в амстердамских каналах, закалывают кухонными ножами на бросельских улицах, взрывают в чешских долинах вместе с боеприпасами, идущими на восточный фронт, бесцельно «снимают» с постов у штабных помещений в сербских городах.

Особенно лютой ненавистью сверхубища Гитлер питает к славянским народам. Трудно подобрать слова для описания зверств фашистов в Польше, Чехословакии, Югославии и на Карпатской Украине. За два года господства гитлеровцы истребили около 3 миллионов поляков, казнили и затравили не одну тысячу чешских интеллигентов, расстреляли десятки тысяч сербских патриотов. Культуру славянских народов объявлена несуществующей. Нацистские ублюдки принижают и унижают: «Признать за чехами или другими славянскими народами право на культуру — значит признать расовый хаос».

Как ни велики страдания славянских народов, временно попавших в гитлеровский плен, их свободолюбивый дух не сломлен. Рабами фашизма славяне никогда не были и не будут. Близок день, когда под ударами советских воинов, поддерживаемых сербскими, словацкими, польскими, чешскими партизанами, рухнет «третья империя» Гитлера, его кровавому произволу наступит конец и вместе со славянскими народами получат долгожданную свободу измученная Европа.

На изощренное насилие фашистов народные массы отвечают остроумными формами проявления своей уверенности в гибели Гитлера и его пених псов. Символом грядущего освобождения стал начертанный на стенах домов знак «В» — начальная буква слова «выступать» — победоносная патриотическая-спортсмены использовали недавно футбольный матч, чтобы изобить немецких солдат. В Норвегии в годовщину оккупации ее немецкими войсками население установило «30 минут молчания». В эти полчаса «немой демонстрации» опустели улицы, рестораны, общественные места. Люди сидели по домам. Замолкли телефоны. Ученики не отвечали на вопросы учителей. Народ молчал. Но в этом молчании чулась тишина предгрозы. В листовке по поводу демонстрации писалось: «Помните, чего мы хотим, и сохраняйте достоинство».

Тупоумные фашистские командиры оккупированных городов часто выдают с головой Геббельса, пробавляясь об истинном положении вещей и об отношении населения к фашистским временщикам. Во французском Бресте дождо на улицах красовалась афиша, где черным по белому было написано: «Жителям запрещается бросать камни или другие предметы в немецких военных... Фашистский служака дал истеричающую характеристику себе самому и своим хозяевам».

Тысячи фактов пассивного и активного сопротивления свидетельствуют об атмосфере непримиримой, лютой вражды, окружающей гитлеровских захватчиков во всех без исключения европейских странах. Народы не хотят стоять на коленях перед «божественным фюрером», готовятся к мести, уверенные в победе Красной Армии.

Силы антифашистского фронта с каждым днем крепнут. Лучшие представители науки, литературы, искусства заявляют о своей безоговорочной солидарности с народами Советского Союза. Популярный американский писатель Ричард Райт в своем письме выразил чувства, какими охвачена интеллигенция всех стран. «Мы знаем», — писал он, — что советский народ борется в защиту всего человечества. Советская доблесть вдохновляет мир угнетенных людей...»

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Так от древних стен Смоленска через весь земной шар, через души людей проходит фронт, отделяющий фашизм от всего человечества. На одной стороне — все лучшее, чем владеют люди: культура, наука, будущее, на другой — ужасное тупой кровожадности, диктатура современных публицанов, доживающая считанные дни. На крови и насилие Гитлер хочет создать империю фашистского безумия. Штыком он стремится насадить «новый порядок». Бисмарк, исходя из бытового опыта, говорил как-то: «Со штыком можно многое сделать, но сидеть на них нельзя». Ценное признание. Оно звучит приговором Гитлеру и всей системе фашистского насилие над народами. Фашизм будет уничтожен. Он стоит у края своей могилы.

МОСКВА ГЕРОИЧЕСКАЯ

В воскресенье, 3 августа, в Центральном парке культуры и отдыха им. Максима Горького состоялся вечер москвичей с писателями и поэтами столицы.

Тема выступления — «Москва героическая» привлекла сотни слушателей, заполнивших все места перед центральной эстрадой парка.

Вступительное слово произнес Конст. Федин:

— Враг отжался из облаков ударить по Москве. Коварный, он не останавливается ни перед чем, пытается бомбить больницы, детей, женщин. Не удалось и не удастся врагу его замысел. Наши смелые соколы и доблестные зенитчики все беспощаднее уничтожают фашистских стервятников. А москвичи в эти грозные дни показывают подлинные примеры смелости.

Затем выступил с коротким докладом В. Кирпотин.

зверств фашистов в Польше, Чехословакии, Югославии и на Карпатской Украине. За два года господства гитлеровцы истребили около 3 миллионов поляков, казнили и затравили не одну тысячу чешских интеллигентов, расстреляли десятки тысяч сербских патриотов. Культуру славянских народов объявлена несуществующей. Нацистские ублюдки принижают и унижают: «Признать за чехами или другими славянскими народами право на культуру — значит признать расовый хаос».

Как ни велики страдания славянских народов, временно попавших в гитлеровский плен, их свободолюбивый дух не сломлен. Рабами фашизма славяне никогда не были и не будут. Близок день, когда под ударами советских воинов, поддерживаемых сербскими, словацкими, польскими, чешскими партизанами, рухнет «третья империя» Гитлера, его кровавому произволу наступит конец и вместе со славянскими народами получат долгожданную свободу измученная Европа.

На изощренное насилие фашистов народные массы отвечают остроумными формами проявления своей уверенности в гибели Гитлера и его пених псов. Символом грядущего освобождения стал начертанный на стенах домов знак «В» — начальная буква слова «выступать» — победоносная патриотическая-спортсмены использовали недавно футбольный матч, чтобы изобить немецких солдат. В Норвегии в годовщину оккупации ее немецкими войсками население установило «30 минут молчания». В эти полчаса «немой демонстрации» опустели улицы, рестораны, общественные места. Люди сидели по домам. Замолкли телефоны. Ученики не отвечали на вопросы учителей. Народ молчал. Но в этом молчании чулась тишина предгрозы. В листовке по поводу демонстрации писалось: «Помните, чего мы хотим, и сохраняйте достоинство».

Тупоумные фашистские командиры оккупированных городов часто выдают с головой Геббельса, пробавляясь об истинном положении вещей и об отношении населения к фашистским временщикам. Во французском Бресте дождо на улицах красовалась афиша, где черным по белому было написано: «Жителям запрещается бросать камни или другие предметы в немецких военных... Фашистский служака дал истеричающую характеристику себе самому и своим хозяевам».

Тысячи фактов пассивного и активного сопротивления свидетельствуют об атмосфере непримиримой, лютой вражды, окружающей гитлеровских захватчиков во всех без исключения европейских странах. Народы не хотят стоять на коленях перед «божественным фюрером», готовятся к мести, уверенные в победе Красной Армии.

Силы антифашистского фронта с каждым днем крепнут. Лучшие представители науки, литературы, искусства заявляют о своей безоговорочной солидарности с народами Советского Союза. Популярный американский писатель Ричард Райт в своем письме выразил чувства, какими охвачена интеллигенция всех стран. «Мы знаем», — писал он, — что советский народ борется в защиту всего человечества. Советская доблесть вдохновляет мир угнетенных людей...»

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Так от древних стен Смоленска через весь земной шар, через души людей проходит фронт, отделяющий фашизм от всего человечества. На одной стороне — все лучшее, чем владеют люди: культура, наука, будущее, на другой — ужасное тупой кровожадности, диктатура современных публицанов, доживающая считанные дни. На крови и насилие Гитлер хочет создать империю фашистского безумия. Штыком он стремится насадить «новый порядок». Бисмарк, исходя из бытового опыта, говорил как-то: «Со штыком можно многое сделать, но сидеть на них нельзя». Ценное признание. Оно звучит приговором Гитлеру и всей системе фашистского насилие над народами. Фашизм будет уничтожен. Он стоит у края своей могилы.

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Так от древних стен Смоленска через весь земной шар, через души людей проходит фронт, отделяющий фашизм от всего человечества. На одной стороне — все лучшее, чем владеют люди: культура, наука, будущее, на другой — ужасное тупой кровожадности, диктатура современных публицанов, доживающая считанные дни. На крови и насилие Гитлер хочет создать империю фашистского безумия. Штыком он стремится насадить «новый порядок». Бисмарк, исходя из бытового опыта, говорил как-то: «Со штыком можно многое сделать, но сидеть на них нельзя». Ценное признание. Оно звучит приговором Гитлеру и всей системе фашистского насилие над народами. Фашизм будет уничтожен. Он стоит у края своей могилы.

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Так от древних стен Смоленска через весь земной шар, через души людей проходит фронт, отделяющий фашизм от всего человечества. На одной стороне — все лучшее, чем владеют люди: культура, наука, будущее, на другой — ужасное тупой кровожадности, диктатура современных публицанов, доживающая считанные дни. На крови и насилие Гитлер хочет создать империю фашистского безумия. Штыком он стремится насадить «новый порядок». Бисмарк, исходя из бытового опыта, говорил как-то: «Со штыком можно многое сделать, но сидеть на них нельзя». Ценное признание. Оно звучит приговором Гитлеру и всей системе фашистского насилие над народами. Фашизм будет уничтожен. Он стоит у края своей могилы.

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

Сто тридцать виднейших американских деятелей науки, литературы и искусства, в том числе историк Сартон, физик Дависсон, художник Кент, драматург Клиффорд Одетс, прозаики Лион Фейхтвангер, Фанни Херст, Альберт Мальц, исследователь Стефансон, экономист Ирвинг Фишер в своем обращении писали: «Мы требуем, чтобы были приложены все усилия для оказания героическим противникам гитлеризма всей возможной помощи, какую только допускает производственная мощь нашей страны. Сейчас мы должны потребовать этого еще с большей твердостью, так как в войну вовлечен Советский Союз».

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 5 АВГУСТА

В течение почти на 5 августа наши войска вели бой с противником на Смоленском, Коростеньском и Белоцерковском направлениях.

Наша авиация продолжала наносить удары по мотомехчастям и пехоте противника и бомбардировала его авиацию на аэродромах.

Часть подполковника Макевича разгромила фашистский полк. В бою уничтожено 300 немецких солдат и офицеров, 4 автомашины, радиостанция и 4 орудия. Захвачено 15 верховых лошадей и ряд других трофеев.

Метким огнем батареи старшего лейтенанта Широкого отбита наступление фашистской танковой колонны. Отступивший враг оставил на дороге семь подбитых танков и две штабных легковых машины.

Прикрывая переправу анской стрелковой части через реку Ш., броневика под командованием младшего политрука Карлова вывели из строя 10 немецких автомашин с пехотой, уничтожили 4 пулеметных расчета и цистерну с горючим.

За один день в ожесточенном бою танк лейтенанта Сафонова уничтожил 4 вражеских танкетки, 6 минометов, одну противотанковую пушку и свыше 100 фашистских солдат.

Расчеты тяжелых орудий младшего лейтенанта Войтова и лейтенанта Рудакова поддерживали бой нашей пехоты против немецких танков. Заняв удобные огневые позиции и тщательно замаскировавшись, артиллеристы уничтожили в этом бою 10 вражеских танков.

Наводчик Фид метким огнем из своего орудия в одном бою уничтожил одиннадцать пулеметов врага.

Немецкая танковая колонна двинулась к пункту В. Батарея Т. Глуценко, замаскировав у дороги свои противотанковые орудия, подпустила вражеские танки на 50 метров и расстреляла их в упор. Использовав замаскированность, отважные артиллеристы уничтожили 8 фашистских танков.

Авиаскадрилья капитана Барченко провела завесу зрагательного огня и атаковала фашистскую мотоколонну, двинувшуюся к городу П. Около 30 вражеских машин были разбиты, остальные рассеяны. Во время атаки на наши самолеты напали вражеские истребители. Советские самолеты вступили в бой с фашистскими истребителями и сбили четыре вражеских.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 5 АВГУСТА

В течение 5 августа наши войска продолжают вести бой с противником на Смоленском, Коростеньском, Белоцерковском направлениях и на Эстонском участке фронта.

На остальных направлениях и участках фронта крупных боевых действий не велось.

Наша авиация во взаимодействии с наземными войсками наносила удары по мотомехчастям и пехоте противника, причиняя им большие потери. В воздушных боях и на аэродромах в течение 4 августа уничтожено 53 немецких самолета. Наша авиация потеряла 21 самолет.

Часть Красной Армии нанесла крупный урон немецкой пехотной дивизии «СС», действующей на Северо-Западном направлении. Эта дивизия несколько раз пыталась атаковать наши соединения. Каждый раз фашистские колонны отбрасывались с большими для них потерями. После нескольких безуспешных попыток про-

бох и на аэродромах в течение 4 августа уничтожено 53 немецких самолета. Наша авиация потеряла 21 самолет.

Часть Красной Армии нанесла крупный урон немецкой пехотной дивизии «СС», действующей на Северо-Западном направлении. Эта дивизия несколько раз пыталась атаковать наши соединения. Каждый раз фашистские колонны отбрасывались с большими для них потерями. После нескольких безуспешных попыток про-

бох и на аэродромах в течение 4 августа уничтожено 53 немецких самолета. Наша авиация потеряла 21 самолет.

Часть Красной Армии нанесла крупный урон немецкой пехотной дивизии «СС», действующей на Северо-Западном направлении. Эта дивизия несколько раз пыталась атаковать наши соединения. Каждый раз фашистские колонны отбрасывались с большими для них потерями. После нескольких безуспешных попыток про-

бох и на аэродромах в течение 4 августа уничтожено 53 немецких самолета. Наша авиация потеряла 21 самолет.

Часть Красной Армии нанесла крупный урон немецкой пехотной дивизии «СС», действующей на Северо-Западном направлении. Эта дивизия несколько раз пыталась атаковать наши соединения. Каждый раз фашистские колонны отбрасывались с большими для них потерями. После нескольких безуспешных попыток про-

бох и на аэродромах в течение 4 августа уничтожено 53 немецких самолета. Наша авиация потеряла 21 самолет.

Часть Красной Армии нанесла крупный урон немецкой пехотной дивизии «СС», действующей на Северо-Западном направлении. Эта дивизия несколько раз пыталась атаковать наши соединения. Каждый раз фашистские колонны отбрасывались с большими для них потерями. После нескольких безуспешных попыток про-

самолета. Эскадрилья без потерь вернулась на свой аэродром.

Отважно действуют бойцы партизанского отряда под командой тов. М. в тылу фашистских войск на Северо-Западном участке фронта. За последнюю неделю отряд совершил несколько смелых налетов — на колонну немецкой пехоты, на мотомехчасть и на мотоколонну. В боях с врагом партизаны уничтожили 4 танка, 4 автомашины, 12 мотоциклов и сожгли 14 автомашин с боеприпасами. Фашисты потеряли до 100 солдат убитыми.

Партизанский отряд «За родину» напал на охрану моста через реку У. Пока немецкие солдаты вели перестрелку с партизанским отрядом, партизаны К. Л. и В. Р. в темноте подплыли на плоту к бывшему мосту и заложили мины. От взрыва мост сильно поврежден.

Многочисленные слои румынского населения не хотят воевать за интересы гитлеровской Германии. В городах Сигишоара и Тыргужу арестовано сорок жителей за отказ принять на содержание раненых на Восточном фронте немецких и румынских солдат. В городе Рымынку-Вилча поворно провалился сбор в пользу раненых фашистских солдат. На-днях бухарестское радио перелола следующее предупреждение студентам: «Ввиду того, что многие студенты уклоняются от обязательного выполнения общественных работ, доводится до сведения всех студентов, что к началу занятий студенты, не имеющие справок о выполнении общественных работ, к занятиям допускаться не будут».

Высокими производственными достижениями трудящиеся Советской страны помогают Красной Армии сокращать ненавистного врага. Невидаемые рекорды производительности труда показывают рабочие Кабаровского завода имени Молотова. Стахановчик Т. Шаевов довел выработку до 700—800 процентов нормы, а в один из дней дал 1.200 процентов. Токарь завода Т. Иващенко выработывает в смену 5—8 норм, станочник Грозенский механического мастерской Т. Секретарюк, встав за станок фрезеровщика Т. Ганьчева, ушедшего на фронт, с первых же дней начал выработывать по 6—7 норм в смену. В один из своих выходных дней рабочие Уральского вагонного участка работали в фонд обороны страны. В этот день бригада мастера тов. Морозова выкупила из головного осмотра пассажирский вагон, выполнив задание на 1.400 процентов. Токарь станции Горьбаголатской Свердловской области тов. Мезенин в июле выполнил норму в среднем ежедневно на 450 процентов, а в отдельные дни на 650 и более процентов. Тов. Мезенин выполнял уже две с половиной годовых программы.

У плененных немецких солдат, захваченных при разгроме 111 фашистского моторизованного полка, найдено несколько неоправданных писем на родину. Почти во всех письмах речь идет об усталости и немощных трудностях, с которыми немецкие солдаты столкнулись на восточном фронте. Эфрейтор Фриц Штайне пишет жене: «Воевать с русскими трудно. Красная Армия вооружена техникой, ничем не уступающей нашей. Артиллерийская канонада часто продолжается до глубокой ночи. По двое-трое суток наша

рота сидит без боеприпасов и без «сы». Солдат Килде сообщает брату: «Дивизия несет тяжелые потери. Сегодня не вернулись из разведки 45 солдат. Вчера шестерка красных бомбардировщиков налетала на нас 12 раз. В голове одна неотвязная мысль — когда все это кончится». Солдат Генрих Бузер пишет: «Тяжелые переживания выпали на нашу долю. Многие из солдат нашей роты погибли в первых двух боях». Солдат Ганс Нейман сообщает жене: «Гильда, надемся, что нашу дивизию скоро сменит другая, ибо никто не может выдержать этой ужасной борьбы». Немецкие солдаты и офицеры прилагают к письмам свои завешания. Лейтенант Освальд Беллинг пишет жене Амали: «У меня такое предчувствие, что я не вернусь к вам и мы никогда уже не увидимся. Если меня убьют, ты и Карл будешь получать пенсию. Одну треть пенсии передайте сестре Маргарите».

Около деревни В. на северо-западном направлении фронта немцы захватили в плен двух раненых красноармейцев. Однако из них фашисты расстреляли, а второго сожгли заживо на костре. На Северном фронте белофинны захватили в плен раненого в обе ноги воентехника Ладонина. Шноцворцы изрезали ему бритвой лицо, выкололи глаза и нанесли много ножевых ран. Науролованный труп тов. Ладонина красноармейцы нашли в чужане дома, в котором помещалась канцелярия белофинского батальона.

В Норвегии все шире разрастается партизанская борьба против немцев. Партизаны успешно действуют против укрепления, которые немцы возводили на побережье, боась нападения английской авиации. В городах Фитъяр, Асквольд и Гузен партизаны взорвали только что отстроенные наблюдательные посты и склады для боеприпасов, уничтожили зенитную батарею. Германские власти объявили 10.000 крон награды тому, кто укажет виновников взрывов в городах Фитъяр, Асквольд и Гузен.

Бесстрашные советские партизаны не дают покоя фашистским оккупантам ни днем, ни ночью. В районе Л. партизанский отряд «Смерть фашизму» ночью неожиданно напал на немецкую саперную роту, восстанавливавшую разрушенный мост через реку С. Зехванские врагпалх рота была уничтожена. Партизанский отряд под командой тов. Т. захватил немецкий транспорт с медикаментами. Колхозники из отряда «За родину», действуя вблизи оккупированного города П., уничтожили за шесть дней два фашистских обоза с продовольствием, шесть цистерн с горючим и освободили из плена 14 раненых красноармейцев.

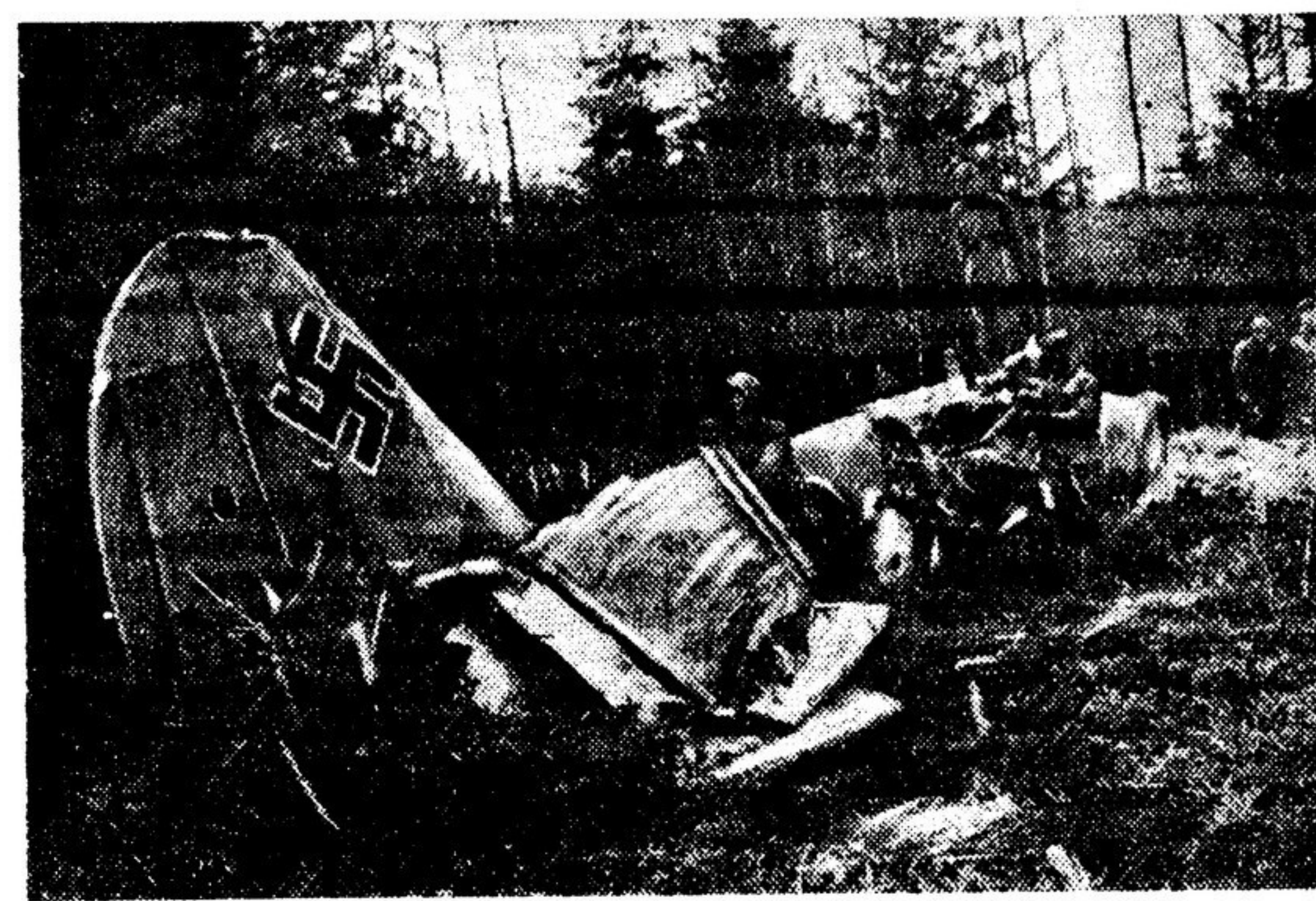
Конный партизанский отряд «Ворошиловцев» совершил смелое нападение на румынскую пехотную часть у села З. Партизаны забросали румын гранатами, порубили 50 солдат и захватили знамя румынской части.

Партизанский отряд под командованием председателя сельского кооператива тов. Г. обнаружил в лесу немецкий склад горючего. Партизаны собили о местонахождении склада командиру анской авиачетки майору Хлынову. В тот же день советский бомбардировщик взорвал фашистское бензинохранилище.

У плененных немецких солдат, захваченных при разгроме 111 фашистского моторизованного полка, найдено несколько неоправданных писем на родину. Почти во всех письмах речь идет об усталости и немощных трудностях, с которыми немецкие солдаты столкнулись на восточном фронте. Эфрейтор Фриц Штайне пишет жене: «Воевать с русскими трудно. Красная Армия вооружена техникой, ничем не уступающей нашей. Артиллерийская канонада часто продолжается до глубокой ночи. По двое-трое суток наша

рота сидит без боеприпасов и без «сы». Солдат Килде сообщает брату: «Дивизия несет тяжелые потери. Сегодня не вернулись из разведки 45 солдат. Вчера шестерка красных бомбардировщиков налетала на нас 12 раз. В голове одна неотвязная мысль — когда все это кончится». Солдат Генрих Бузер пишет: «Тяжелые переживания выпали на нашу долю. Многие из солдат нашей роты погибли в первых двух боях». Солдат Ганс Нейман сообщает жене: «Гильда, надемся, что нашу дивизию скоро сменит другая, ибо никто не может выдержать этой ужасной борьбы». Немецкие солдаты и офицеры прилагают к письмам свои завешания. Лейтенант Освальд Беллинг пишет жене Амали: «У меня такое предчувствие, что я не вернусь к вам и мы никогда уже не увидимся. Если меня убьют, ты и Карл будешь получать пенсию. Одну треть пенсии передайте

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Фашистский бомбардировщик, сбитый советскими летчиками. Фото Л. Великая (ТАСС).

Янис НИЕДРЕ

СВЕРХ'ЕСТЕСТВЕННЫЕ СОБЫТИЯ

В захваченной фашистами части территории Латвии совершаются таинственные, попросту — сверх'естественные дела. Об этом легко можно судить по местным радиопередачам.

Слушайте, что происходит. Еще в начале июля немецкий командант торжественно объявил по радио всем, всем, что Рига взята. И дальше: «Армия великой Германии освободила жителей Риги, освободив их от большевиков, Коммунистов, их попутчиков и евреев бежав. В городе остались антибольшевистские восторженные жители, которые завтра в обычное время приступают к своей работе».

Базалось бы, все ясно. Ни малейшее облачко не омрачает небес захваченной гитлеровцами Риги. Обер-командант и компания могут грабить и воровать без помех...

Но тут-то и начинаются чудеса. В последующие дни радиоволны разносят в эфире другое сообщение немецкого обер-команданта: «Большевики захватили мою легковую автомашину за № 183, находившуюся у штаб-квартиры командантуры — отеля «Рим». Приглашаю жителей помочь разыскать похитителей машины и вернуть авто по моему адресу».

Но это не все. Обер-командант сообщает дальше: «Приглашаю айссаргов собраться к 12 часам там-то и там-то, с тем, чтобы направиться в пригороды Риги и ее окрестности и очистить их от большевиков».

Ну, скажите, разве здесь не орудут сверх'естественные явления? Ясно, что радио утверждало, что в захваченной фашистами Риге не осталось ни одного большевика, кругом одни только фашисты и послушное им население, и вдруг такие непонятные дела и явления: несуществующие большевики разезжают на автомашине обер-команданта, а в пригородах и в окрестностях города, словно грибы после дождя, появляются большевики, на бой с которыми приходится мобилизовать айссаргов.

Но и это далеко еще не все. Следующее радиосообщение рассказывает уже о... происшедших между фашистами и большевиками боях, об убитых и раненых среди фашистов и их пособников: «В будущем воскресенье во всех рижских кирках состоится панхихис. С проповедью выступят пасторы всех общин верующих, вынос тек будет сопровождаться звоном всех церковных колоколов, имеющихся в Риге...»

Чем и как объяснят фашисты все эти сверх'естественные явления? Ясно, что расшифровать подобные чудеса им не удастся. Ответ и разъяснение всему этому можем дать только мы. Эти события еще раз показывают, что, что бы ни говорили и ни писали германские фашисты и их сподручные, в свободной стране Советского Союза Советская Латвия была и будет. Это подтверждает жгучая ненависть свободных народов к фашистам, об этом свидетельствует борьба наших партизан в тылу врага, об этом говорят неурезанные кровные братство советских народов в бою и в труде, это подтверждают мощные удары Красной Армии по фашистским колоннам на земле, в воздухе и на воде. Это, наконец, подтверждает та великая жажда народа к освобождению, когда каждый латыш, способный носить оружие, спешит стать в ряды Красной Армии, когда старые и юные в тылу у фашистов пускают под откос поезд, уничтожают с корнем фашистские группы и отряды.

Дм. СТОНОВ

КАПИТАН КОНСТАНТИН ТИТЕНКОВ

(От нашего собственного корреспондента)

Небольшого роста, худощавый товарищ стоит у трапециевидного мотора — вернее, у безформенной глыбы металла, которая осталась от фашистского «Ю-88». Командир авиачасты товарищ Когутев говорит, что гитлеровскому стертывателю, сидящему у мотора капитану Константину Николаевичу Титенкову. Товарищ Титенков хочет внести поправку в утверждение своего командира.

Дело было так. Неприятельские бомбардировщики подошли к западу, вались в Москву. Перед капитаном Титенковым и летчиками его подразделения Лапочкин и Бокач был поставлена задача: подняться в воздух, патрулировать и атаковать освещенные цели. Оторвавшись от земли, наши истребители стали набирать высоту. Тотчас же по радио они услышали команду:

— Пост номер такой-то. Противник в лучах прожектора. Получив точный адрес, капитан Титенков направился к неприятельскому бомбардировщику. Скрепя голубые лучи, прожекторы держали его в своей власти. Невидимый в темноте товарищ опередил Константина Титенкова, прощупывая — с большой, правда, дистанцией — непрошеного «гостя». Леже Титенкова шел Бокач. Истребители Бокача, как и невидимому в темноте товарищу, не терпелось, и он немедленно открыл огонь. Пулеметы Константина Титенкова продолжали молчать. И только, подводя ближе к немецкому бомбардировщику, капитан дал длинную очередь, притравливая по расцеленому экипажу самолета.

Внезапно лучи прожектора потеряли гитлеровского стертывателя. Бокач и Лапочкин сбавили скорость. Лишь капитан Титенков, который в то же время находился в пятидесяти метрах от вражеского самолета, прекрасно видел его: то и дело в черном небе возникали спелые языки пламени — выхлопы.

С. ВАРШАВСКИЙ, Б. РЕСТ

(От наших собственных корреспондентов).

...Старший лейтенант Митин выполнял боевое задание в районе Н., занятом противником. К концу воздушного боя вражеская зенитка прямым попаданием вывела из строя важную деталь мотора. Митин знал, что теперь он продолжит в воздухе не более 40 секунд. Но именно сейчас летчик увидел уходящий в шиволо облако фашистский самолет.

— Эх, ударить бы по нему напоследок! Митин инстинктивно нажал газетку, хотя отлично знал, что все патроны растрачены. Раскаленные пулеметы молчали.

Что делать? Садиться во вражеском лагере? Нет. Если уж погибать, так с толком.

— Таранить! Митин в последний раз поднял вверх раненую машину, пробил облачную завесу, увидел врага и врезался в него. Два самолета одним огненным факелом прочертили расстояние в 250 метров, отделившись от земли.

Немец, считавший себя в безопасности, сорвался прежде, чем его машина превратилась в груды дымящихся обломков. Митин, точно рассчитавший каждую долю секунды, выпрыгнул из горящего самолета. Прежде чем дернуть за кольцо парашюта, он попытался откинуть огонь, охвативший китель, но ему удалось лишь слегка сбить пламя на груди. До земли оставалось всего 100 метров, когда вдоль спины Митина зашуршал шелк раскрывающегося парашюта. Одна лямка с правой стороны оборвалась и летчик несся вниз лишь на половине парашюта. Кто знает, может быть, эта, не предусмотренная инструкторами парашютного дела быстрая приземления и спасла ему жизнь: немецкие пулеметчики открыли по советскому летчику ураганный огонь. Трансирующие пули свистели вокруг Митина.

Земля! Она оказалась давно испачканным полем с жесткими, высушенными солнцем грядками. Удар был резок. Митин почувствовал боль во всем теле.

С. ЛЕВМАН

Товарищ из Белостока

Он был старожилым Белостока — этот скромный, незаметный человек, служивший бухгалтером в небольшом советском учреждении. Он занимал с женой и дочерью две комнаты в тихом деревянном домике на окраинной улице, работал добросовестно и горячо, а по вечерам играл на скрипке. Друзья и сослуживцы прозвали его музыкантом.

Когда фашистские бомбардировщики вероломно напали на город, музыкант спал. Он проснулся от грохота бомбежки и выбежал на улицу. Город, не ожидая варварского нападения, пылал. Музыкант схватил на руки маленькую дочь и побежал неизвестно куда. За ним бежала жена.

Они были уже в нескольких километрах от города, когда толпу беззастенчивых беженцев обнаружил фашистский стертыватель. На брешке полете он стал растрачивать людей из пулемета. На глазах музыканта упала замертво его жена. Когда он добежал до леса, то обнаружил, что девочка, которую он нес на руках, тоже мертва.

Он похоронил ребенка и, ничего не сообразив, побрел лесом. Над деревьями носился выжидательный самолет. Рядом вдали слышались глухие удары — били орудия. Музыкант шел вперед, все еще отдавая себе отчет в том, что произошло.

И вдруг он понял. Стоя во мраке и прижимаясь к стволу березы, он увидел перед собой свою родину, ее поля и долины, крестьянские хаты и заводы, школы и железнодорожные станции. Он видел перед собой ее людей — споконных и трудолюбивых. И вот на солнечную сторону надвинулась злобная коричневая тень...

О, он хорошо знал, что такие фашисты. Он познакомился с ними еще в 1939 г., когда гитлеровские банды заняли кровью Западный Белоруссию. Он отлично помнил нагие морды офицеров, тупые лица солдат. Их нельзя было назвать

Превозмогая ее, он вскричал. Все еще тлел синий хлопчатобумажный китель, совершенно обгорели рукава, волдыри величиной в спичечную коробку покрывали обожженную правую руку. Но об этом некогда было думать. Слева, метрах в 400—500, на шоссе стояла колонна фашистских танков. Три солдата, выйдя на ходу из танка, бежали к привлекшемуся летчику. Митин посмотрел направо и увидел невдалеке, примерно в 300 метрах, молодой лесок. Он побежал по бугристой земле, сбрасывая с рук кожаные перчатки, скрывая с головы шлемофон, неожиданно показавшийся слишком тяжелым.

Вот он, наконец, спасительный лес! Митин нырнул в кустарник и сразу же отпрянул назад. Перед ним, выгнув вверх свой хищный хобот, стояла немецкая зенитная пушка.

Митин ринулся в сторону, к лесной опушке. Вдали виднелась другая лес, по-больше и погуще первого.

Немцы открыли беспорядочную стрельбу. Летчик продвигался осторожно, ползком, по-пехотински. Он останавливался лишь для того, чтобы выстрелить в немецкие солдаты. Те, неслышно приседа, на несколько мгновений забываясь о своих автоматах.

Так, отстреливаясь, Митин добрался до леса и здесь, взоорвавшись на кракштатный дуб, стал «изучать обстановку». Он с удовлетворением отметил, что из трех немцев осталось только двое, да и те, поставив, повернули обратно.

Отдышавшись, летчик зашагал по лесу. Куда идти, в какую сторону? Команда нет, солнца не видно. Митин шел, куда вело сердце.

Вскоре он вышел на проселочную дорожку. Маленький лет 14 бел лошадь. Увидев обгоранного и обожженного человека, мальчик строго спросил:

— Ты кто такой будешь?

— Не бойся, — улыбнулся Митин, — я немец. Советский человек.

— А куда идешь? — все еще недоверчиво спросил мальчик.

Митин назвал железнодорожную станцию.

— Не довезешь ли? — спросил мальчик. — Ладно, — согласился мальчик, забравшись на лошадедку, — садись позади меня.

Мальчик поддал босыми пятками лошадке под ребра, но точно же круто осадил ее: на шоссе стояли немцы. — Вот тебе и раз! — присвистнул Митин. — Куда теперь поведем, молодой человек?

— Да в лес... Там колхозники от фашистов хоронятся. Они помогут. — Один из колхозников отвел Митина в сторону и тщательно проверил документы.

— Нам! — сказал он выходящим из пашалей и землянок односельчанам. — Летчик — вот кто будет этот товарищ. Проживает у Красной Армии. Накормить надобно и одеть — так, чтобы немцам прокатывало не понашло.

Кто-то отдал Митину свой свитер, кто-то принес лепку. Отрезали полбуханки хлеба, ломоть мяса и положили в мешок.

— Или, дорогой товарищ! — сказали колхозники и объяснили, в какую сторону идти и каким приметам следовать, чтобы не сблизиться с верного направления. Кончился день, наступила короткая ночь, потом снова рассвело, а Митин все шел и шел по лесу, через болота, порой по колена в воде.

...В лесу стояло семьдесят огромных семитонных крупяных автомашин, только что захваченных у разгромленных фашистов. Рядом с грузовиками виднелась комфортабельная легковая машина: — В ней воевал взятый в плен немецкий генерал, — рассказывали Митину командир и бойцы. — Когда его обвели, в кармане документы нашли, а в бумажнике — женские локоны. Оказываются, он волосом эти с собой возит «на счастье»! Вот и почастивались генералу: в плен попал!

Действующая армия.

Пробираются фашисты в облаках пушистых, Крылья с черными крестами, Сами летчики с крестами На мундирах мглыстых.

Сами летчики с крестами, И с похвальными листьями, Что они все — асы, Над советскими местами, Над полями и мостами Изучают трассы.

И бахвалится прегорло, Что они бомбили Лондон, Белград и Афины, Что они непобедимы, Что развозятся, как дым, Русские машины.

И, расставшись, полетели В одиночку прямо к цели Гости неприятные. Вдруг сверкающие пули Красным пламенем стегнули Черные кресты их!

И на небе необятном, Дня врага уже закатым, Дел крылатых людей Дали бой, что в сказках даже Не найдешь и не расскажешь — И искать не будем!

Пули режут «ассу» крылья, Черных свастик сужожиля, Бьют, как по колосе. Пули режут плечи, Но стрелять уж больше нечем — Черный «асс» уходит.

— Не уйдешь! — кричат Здоровцев: Пусть ты волк, да мы не овцы, Уходи по чистой... Налетев, винтом сваястиями

Отрубил рули блестяще — Начисто фашисту.

А другой омок летучий На фашиста прямо с кручи, Налетая, давит, Как ни вертит, не уходит Немец — что-то не выходит, Как уж он ни правит.

— Не уйдешь! — кричат тут Жуков: — Раз ко мне попался в руки, Так уже ныряй! — Прямо в воду в туче дыма Рухнул «асс» непобедимый — Помни наш озерный край!

Третий сын врага приметил, Налетел на «Онкерс» третий, И кругами ходит. Шли и шли, сверкая, пули Верх и вниз в моторном гуле — Пули на исходе.

— Не уйдешь! — тут Харитонов Закричал тому тевтозу: — Даи тевтоу жизни! Протаранил хвост он вражий, Смотрит, где летчик ляжет: В поле пламень брызнул!

Как в любом советском доме, На аэродроме Смотрят люди: небо чисто, Облака пушисты, Крылья с черными крестами Все лежат кострами.

Приметав три героя: Это первых тевто, А над ними несчислимые Крылья, крылья, крылья мимо Бить врага неустоймо Пролетают страсы!

Действующая армия («На страже родины»)

Б. ГОРБАТОВ, Л. ШАПИРО

«В КАРПАТАХ»

(Из дневника лейтенанта Байструченко)

ГОРЫ

Он вынул из полевой сумки школьную тетрадку. — Здесь все написано, — просто сказал он. — Боевой был парень, — задумчиво сказал младший лейтенант, — геройская душа. — А фамилию его кто знает? — спросил кто-то. — Оказалось, что никто не знает фамилии погибшего бойца. «Музыкант» — так звали его и бойцы, и командиры. Так и доложили командиру роты: погиб музыкант, товарищ из Белостока. И командир записал:

«При переправе через реку Н. геройский смельчак погиб доблестец Красной Армии, товарищ из Белостока, по прозвищу «Музыкант».

Обливаясь кровью, он упал на землю, которую так стойко защищал. — Вперед! — сердито закричал он, когда бросился к нему на помощь. — Оставьте меня. Вперед! Вперед за Родину!

«Хороший был командир. Волевой, храбрый, веселый», — отмечает Байструченко.

КУЛАКОМ... ПО ПУСТОМУ МЕСТУ

Еще день прошел. С рассветом румыны попилили на высоту. Они попилили боязливо, неуверенно, как всегда ожидал очередную овиную беду. Но, к их удивлению и радости, высота молчала. Одночасные выстрелы, редкие очереди из автоматов — вот и весь отпор. Три наших бойца медленно отходили, отстреливаясь. Скоро они скрылись в густых зарослях леса.

Подобранные неожиданным успехом, «румынские» смелее попилили на высоту. Они уже ликовали. «Геройски» подняв штыки, они бросились на высоту. И ударили... в пустое место. На высоте никого не было.

«Румынские» ринулись вперед. Им мешало уже долгое, слабое, безопасное шествие по нашей земле. И вдруг с флангов из ложи, поросших кустарниками, ударили наши автоматы. В одной ложине засело семь бойцов, в другой — шесть.

Румыны ударили поспешнее, чем наступали. Лейтенант Байструченко записал: «Наши потери: три убитых, пять легко раненых. Раненые не уходили из боя. Потери противника 45 убитых, оставленных на скатах высот, а может быть и больше».

А может быть и больше! Кто их считал?

РАЗГРОМ БАНДЫ

Прошли населенный пункт Н. Неожиданно из леса раздались выстрелы. Стали «спросивать» лес и окрестные села. Банду обнаружили в одном оставленном жителями селе. Бандиты засели в хатах, сараях, садах. Их пришлось выбивать из каждой щели. Немного бандитов осталось в живых и удрало в горы. Остальные остались на месте. Осталося и желто-голубое петлицовое знамя, под сенью которого метались бандиты, завоевав нашу Украину.

А на краю селения в погребе были обнаружены и те, что должны были стать первыми жертвами банды. Из погреба выжили «пленные» женщины.

Оказываются, бандиты захватили женщин, когда те собирались уходить из села. Три дня прощидли они без воды и хлеба.

Лейтенант Байструченко шагает рядом с нами по разбитой дождем фронтовой дорожке. Его отряд отдыхает неподалеку в рощине. Лейтенант прощается с нами и сворачивает на дорожку, ведущую к командному пункту. Он идет получить новую боевую задачу. («Во плену родины»).

Капитан К. Н. Титенков у остатков сбитого им «Ю-88». Фото В. Федосова.

ка. Разведчик держал курс на восток. Я первый его заметил и по своей инициативе не дожидаясь вызова командного пункта, выскочил в воздух двух своих истребителей. Смотрю — летчики на моей секандарилы попили немца не в ту сторону, потеряли вражеский самолет. Раздумывая, некогда, пришлось мне самому подняться в воздух. Заметив меня, фашист стал уходить на юг. Это была ловушка, довольно нехитрая: я не сомневался, что он держит путь на запад. Не теряя его из виду, я бросился ему наперерез, стал набирать высоту. Наконец, подвывая к одному из крупнейших наших пунктов, я сблизился с противником. Тем временем мои истребители вновь обнаружили его. Они находились далеко — сзади и ниже неприятельского самолета, — вот почему их огонь несколько его не тревожил. Скоро они перекродали свои боевые комплекты и отвалили от вражеского самолета.

Тут фашист допустил ошибку, которой я, конечно, воспользовался. Видя, что советские истребители — мои летчики — исчезли (меня, в счастие, он не заметил), фашистский летчик уменьшил скорость. Это помогло мне приблизиться к нему на сто метров, тщательно при-

лится и дать мощную очередь. Отстреливаясь, противник пытался уйти. Титенко. После трех моих очередей стрелки-фашисты прекратили огонь. Как потом выяснилось, они были убиты моими очередями. Впрочем, это было заметно и по повелениям разведчика — он начал прикрывать скамеечку и старался скрыться в облачности. Облака были незначительны, они его не спасли. Еще одна очередь — и загорелся правый мотор. Тут я прекратил огонь — спокойно наблюдал за тем, как горит стертыватель. «Потухнет, думая, и я тогда добьюсь... Зря же трагично боернпаса нечего».

Был момент, когда гитлеровскому разведчику удалось сорвать пламя. Мгновенно огонь вновь вспыхнул — сильно горела правая плоскость. Нет, стрелять по врагу не имело сейчас никакого смысла. Быстро теряя высоту, разведчик подошел к опушке леса. Наступил пилот ринулся на себя штурвал. Но скорость была мала, взмыть ему не удалось. Ломаю деревья, стертыватель стал разрушаться. Наблюдая, как загорается обломки самолета, я долго выжидал над лесом. Наконец, все было кончено. Я вернулся на свой аэродром...

ВЫСОТА 1138

Высоту 1138 обороняли всего... два бойца. Они удерживали ее два дня. Лишь на третий день румынам удалось ее взять. Но в 8 часов 25 минут, — безостановочно долбавляет дневник, — начальными заставы младший лейтенант, сосредоточив силы, контратакой выбил противника с нашей территории».

Лихой была эта контратака. Пограничники попили по горе, овладевая камнями, а затем ринулись в штыки. Штыков румыны не выдержали.

Байструченко записал в дневнике: «Противник потерял 23 человека убитыми. Наша застава — 2 убитых, 2 раненых».

СМЕРТЬ НАЧАЛЬНИКА

Во время одной лихой контратаки, когда наши бойцы выжили румын штыками и гранатами из укритий, вражеская пуля пробила горячее сердце начальника нашей заставы, младшего лейтенанта

Фашизм — душитель польской культуры

В 1939 году немецкий фашизм совершил нападение на Польшу. Организованный погром польской культуры начался с момента вступления первых войск...

Это был гигантский королевский колокол, известный под названием «Зигмунд». Варшавяне совершили это варшавское дело в ясный день; оно должно было означать символ победы над польским народом...

Преаренный нигем Гитлер со своей шайкой дегенератов и государственных преступников во время своего пребывания в Кракове остановился в Вавеле. В одной из прекрасных нижних зал замка была устроена конюшня.

Можно перечислить по пальцам имена писателей, которые пошли на службу реакции и продались гитлеровцам. Пошли ко всем миру с отражением произносятся эти имена.

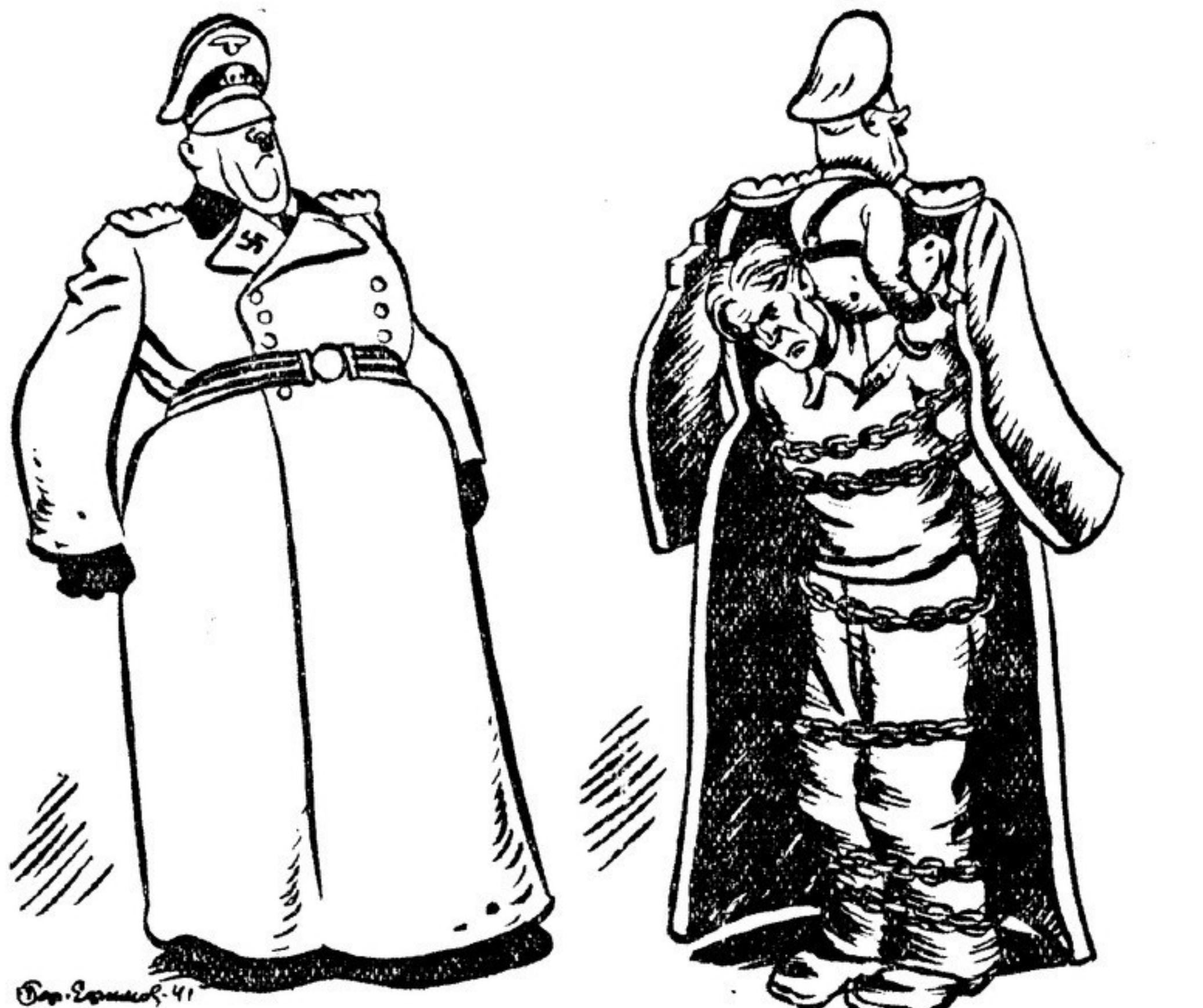
Достоин сожаления участь тех, кого гитлеровцы заставили в Польшу. За два года оккупации Польши не вышла ни одна польская книга. Выдающийся польский поэт Ярослав Ивашкевич занимался продажей молока...

Польские театры бездействуют. В Варшаву приезжают только немецкие театры. Один из самых видных польских режиссеров Леон Шиллер вынужден был переехать в варшавских трактирах, пока гестапо не обратило на него внимания.

Такова судьба польской культуры под фашистским ярмом. Таково положение всякой культуры, которая попала в котлы свастик, в окровавленные лапы гитлеровцев.

Народы всего мира, борющиеся с самым варварством, решительно противопоставляют мраку средневековые светлые идеалы человечества. Недалек уже день, когда пораженные народы Европы будут свободно решать свою судьбу.

(Перевод с польского)

Фасад

Тыл

Проф. Зденек НЕЕДЛЫ

Фюрер людоедов

Вначале как «фюрер» и «властитель дум» определенной части населения Германии, потом как «рейхсканцлер» — Гитлер привлекал внимание отдельных западных писателей, которые старались разобраться, что же такое, по существу, Гитлер и нацизм.

Гитлер ненавидит не только другие не немецкие, особенно славянские народы. Он вообще ненавидит людей. У него нет ни жены, ни детей, ни друзей. Быть зачисленным в «друзья» Гитлера вообще опасно.

Первая серьезная книга о фюрере людоедов — книга Гейдена «Адольф Гитлер», вышедшая в 1933 г. Автор — немецкий либерал, до того времени он увидел еще той огромной опасности, которую несет Гитлер для немецкого народа и всего человечества.

Значительно интересней другая книга, написанная английским ученым, профессором новейшей истории в университете Сиднея (Австралия) Робертсом — «Государство Гитлера», вышедшая в 1933 г. Книга немецкого фашизма уже начал провозглашать свои агрессивные тенденции в Австрии и Чехословакии.

Робертс начинает свою книгу с биографии Гитлера, которая сама по себе уже раскрывает, какое перед нами гнусное, свирепое ничтожество.

Сегодня Гитлер уверяет, что уже тогда он был поглощен «мыслями о спасении немецкого народа». Но характерно, что и в этом отношении этот фашистский выродок ничего не придумал.

Словак, довольно мучки и жалоб по ночам! Встань, тебе знакомы Геройской славы дни, Удар, подобно грому, И расство отряхнул!

Перевод со словацкого Вл. НЕЙШТАДТ

ОДНА СЕМЬЯ

В Москве остался лишь старший сын Кузьмина Алексей, железнодорожный инженер. Седина давно засверкала в его волосах, но лицо румяное, как у отца. Он продолжает работать в НКПС, в Москве. Пока никуда не уехал, но в нем, как и в других, с первого дня войны появилась решимость, та готовность ко всему, какая заметна сейчас в наших людях.

Жизнь еще одного мужчины из большой кузьминской семьи изменилась. Это — зять, муж дочери Лидии. Он по-прежнему в народное ополчение вместе с оркестром вахтанговского театра, где работает музыкантом. Он смешил скрипку на винтовку. Пройдет война, и скрипка займет место и барда, как играла недавно.

С дочерью Лидией, артисткой Театра им. Ленинского комсомола, по сцене — Рюминой, старик выдвинул в эти дни мельком. Она выступает на участках, на антиутиках перед бойцами, всюду, где требуется ее искусство. Вся кузьминская семья, отравившая в себе маленькую частичку страны, поднялась, пошла на защиту родины, чтобы снова жить счастливо. Счастье это было добыто боями, и защищено оно будет боями.

И лишь об одном сожалеет сейчас старик рабочий Кузьмин. Ночью, стоя на посту у ворот своего дома, он сокрушенно думает о том, что прошла его молодость.

— Трех сыновей послал на фронт! — говорит он, стоя с сумкой, в которой лежит противогаз. — Пошла и четвертого, если нужно будет. А сам вот — стар. Глаза мои плохо видят. Семьдесят четвертый пошел. Был бы я помоложе! Дразна 6 до конца.

Этот день недалек

Взгляните на фашистского солдата, воспитанного самым преступным режимом, который когда-либо был на земле. Он не читал Розенберга, эти тонкие садистические «гнусности» не для него. Он воспитан на правдой и несложной науке убийства и грабежа. Взгляните — вот его лицо.

В карманах убитых германских солдат советское командование сплошь и рядом находит документы, неопорно удостоверяющие, что покойный был подлым убийцей и грабителем. Эти документы — письма, интимные письма к друзьям, женам, родным, оставшиеся неотосланными за смертью их авторов, сраженных меткой советской пулей. Мы привыкли почитать под интимностью раскрытые тонкие, деликатные стороны души, святую откровенность двух близких людей. Но представьте себе на миг, — если у вас хватит духа! — интимность между двумя кровожадными злодеями. Со страшной ирривностью гни и шакалов делится они воспоминаниями об отрубленных ими пальцах, о замученных ими детях, о заживо погребенных мужчинах и женщинах.

Вот это письмо — одно из тысячи ему подобных. Оно начинается крайне деликатно. «Дорогой Фриц, — пишет этот ипшак в форме германского солдата, — как помнишь много старого дядюшку, который так много страстей рассказывал нам про роющую войну, когда он участвовал в бою под Ковелем? Вот и мне пришлось побывать и повидать этот самый Ковель. Драться нам за него пришлось порядочно. Поживиться, однако, не пришлось, хотя начальство и велело нам не церемониться с жителями завоеванных городов...»

Остановимся на этих строках. Быть может, автор письма — самый обыкновенный мародер, изголодавшийся на скудных фашистских хлебцах? Но нет — следующие строки выдают солданине. «Замечательное зрелище было, — вспоминает Розенберга, эти тонкие садистические «гнусности» не для него. Он воспитан на правдой и несложной науке убийства и грабежа. Взгляните — вот его лицо.

Остановимся на этих строках. Быть может, автор письма — самый обыкновенный мародер, изголодавшийся на скудных фашистских хлебцах? Но нет — следующие строки выдают солданине.

Из Святополка Чеха

Пусть нет у нас надежных лат, В каких сражаться шел солдат С врагом в былые дни. Но есть у нас на трудный час Одно оружие про запас — Надежные брони.

Нет лат, но духом мы сильны. И чешской не согнуть спины, Мы сбросим свой позор! Поставит воля на своем, Свободу мы себе вернем Врагу наперекор.

В защитники нам дан судьбой Язык мужучий и живой, Язык родной страны. Покуда наш язык живет,

Мы говорим и мы — народ, И этим мы сильны.

Ты слышишь, брат, ты слышишь, чех, Родную речь? Живит на всех Она и греет кровь. Ты слышишь, чех, ты слышишь, друг?.. В придуху паря крепких рук И к родине любовь.

Нам жить сегодня не дают, Враги клыками тело рвут. Вся сдана их в клыке. Мы вырвем клык. Мы будем жить! И слава будет нас дарить И с нами будет говорить На чешском языке.

Перевод с чешского Вл. НЕЙШТАДТ

ГОЛЛАНДСКИЙ НАРОД ПРОТИВ ФАШИЗМА

Вскоре после захвата Гитлером власти в Германии была организована фашистская партия и в Голландии. За прошедшие с тех пор годы голландские фашисты провели основательную шпионскую работу во всей стране и подготовили все необходимое для разгрома своей родины германскими полчищами.

11 мая 1940 года Голландия без предварительного объявления войны подверглась внезапному нападению немецких фашистов. Голландские фашисты активно помогали парашютистам, прикрывая немецкие спрятанные в баржах немецких войск, передавали в их руки мосты и каналы, аэропорты и целые районы Роттердама, Гааги и других городов. При прямом содействии голландских фашистов германские бомбардировщики произвели опустошительные разрушения в Голландии.

Однако голландский народ в целом, с первого дня и до сих пор, оказывая и оказывая всеми имеющимися в его распоряжении средствами мужественное сопротивление фашистским завоевателям. Голландцы не скрывают своей ненависти к насилию и твердо верят, что недалек день их освобождения от фашистского ига.

Германские хозяева предоставили голландским фашистам, возглавляемым Муссерони, некоторую долю в управлении оккупированной территории. На это население Голландии ответило безжалостным предательством. Рабочие недовольно выступили на политическими забастовками протеста против террористических методов оккупантов. Всеми способами демонстрируют голландцы свои антифашистские чувства. Они носят цвета голландского национального флага, бойкотировать немецких офицеров. Когда немецкий офицер входит в вагон трамвая, все пассажиры-голландцы демонстративно покидают вагон. Когда немецкий офицер появляется в кафе, все голландцы демонстративно уходят оттуда. Немецкий комиссар Голландии Зейтс-Никварт издал даже специальный приказ: при входе немецкого офицера в кафе все посетители обязаны оставаться в помещении не менее 10 минут. Голландцы молча сидят положительное время, затем громко восклицают: «Десять минут прошло» и еще более демонстративно, чем раньше, уходят. Тем же способами протестуют голландцы против насильственного фашистами антисемитизма.

Отношение народа к фашизму немецкого и голландского образцов естественно отразилось в новейшей голландской литературе. В полной мере это проявилось до оккупации. Совершенно понятно, что после вторжения германских полчищ ни один антифашистский голландский писатель не смог ничего опубликовать, по крайней мере в Голландии.

Еще в 1933 году многие голландские писатели восприняли установление фашистской диктатуры в Германии как непосредственную опасность для Голландии. Грубое насилие над искусством и наукой, преследования всех «еврейских», убийства на-за угла, творимые гитлеровскими бандами, побудили многих голландских писателей независимо от их политических и религиозных убеждений, либералов, католиков, протестантов поднять гневный голос протеста против террористических методов оккупантов. Всеми способами демонстрируют голландцы свои антифашистские чувства. Они носят цвета голландского национального флага, бойкотировать немецких офицеров. Когда немецкий офицер входит в вагон трамвая, все пассажиры-голландцы демонстративно покидают вагон. Когда немецкий офицер появляется в кафе, все голландцы демонстративно уходят оттуда. Немецкий комиссар Голландии Зейтс-Никварт издал даже специальный приказ: при входе немецкого офицера в кафе все посетители обязаны оставаться в помещении не менее 10 минут. Голландцы молча сидят положительное время, затем громко восклицают: «Десять минут прошло» и еще более демонстративно, чем раньше, уходят. Тем же способами протестуют голландцы против насильственного фашистами антисемитизма.

Влад. БЕЛЯЕВ ТОЛЬКО ФАКТЫ...

ОТКРЫТКА ИЗ ВАРШАВЫ

Мой знакомый, жена и дети которого остались в Польше, показал мне как-то открытку. — Читайте, — сказал мне знакомый, — вот последняя приятная новость, которой меня порадовала жена.

Штамп польского генерал-губернаторства — одноглазый черный орел и свастика — в нескольких местах проштемпелевал старые, еще довоенные польские марки и слова «катка розетова».

В открытке дрожавшим женским почерком было написано: «Живем очень хорошо. У Пакульских не было воем месяцев. Завтра будем выполнить свой долг перед германской империей — ведем стерилизовать Тадка. Делу. Ядвига».

Вам трудно наверно понять, кто такие Пакульские, — сказала с горечью мой собеседник. — Дело в том, что в астрономическом магазине братья Пакульские на углу Нового Света и Хмельной можно было до войны купить любые продукты. Каждый варшавянин легко поймет, если человек давно не был у Пакульских, то это означает, что такому человеку очень голодно. Что же касается стерилизации Тадка, — еще с большей горечью добавил собеседник, — то как видите, об этом можно писать совершенно открыто. Тадка — это мой сын Тадеуш... Две недели назад ему исполнилось шесть лет...

БОРЬБА С ГРАБЕЖАМИ

Когда немцы заняли Варшаву, новый командант города расклял приказ, в котором торжественно сообщалось, что немецкие власти будут бороться с мародерством. Командант призывал население сообщать ему о всех случаях грабежа. Отдажды на рассвете в квартиру инженера Казимира Дембовского, который жил на Златой улице, ворвались пять немецких охранников и принялись увозить все вещи хозяйки квартиры.

Доверчивый инженер, помня приказ команданта города, выбежал в одном белье на балкон и стал звать на помощь. — Грабят, — кричал он, — помогите!!!

Мимо проходил немецкий патруль, высланный командантом города для поддержания порядка. — Тихо, — скомандовал сизну начальник патруля, — сядь, дородный фельдфебель, — Кто грабит? — Немецкие солдаты, господин офицер. Фельдфебель медленно, не торопясь, вынул маузер, приложился, и через секунду инженер Дембовский с пулей в сердце упал на каменный пол балкона.

ВОСПИТАННИКИ МАРШАЛА ГЕРИНГА

Утром 5 сентября 1939 года на поле возле Лиды, покачиваясь, грузно опустился побитый немецкий самолет. Три мальчика — дети железнодорожников — Стасек Каминский, Бронек Кузявик и Антек Марпоцкич, бывшие близкими, миком бросились к месту посадки.

Когда захваченные ребята подбежали к черному самолету шагов на десять, откуда послышалась дробь пулемета. Немецкий летчик в упор расстрелял детей несколькими пулеметными очередями, и они рухнули, как подкошенные, на приатую колесами самолета густую траву луга. Правда, звери не остались безнаказанными. На выстрелы со станции ринулись ожидавшие поезда пассажиры. Они вытаскивали из самолета двух гитлеровских летчиков. Старшему из них было не больше восемнадцати. Этот пыльный и дощатый выгоревший солдатик, все приподняв, это он расстрелял из своего турбинного пулемета подбегавших детей.

Второй воспитанник воздушной армии маршала Геринга, безумный еще щенок, раненый во время воздушного боя в живот, лежал без сознания на дне кабины. Врач хирург П., которому пришлось оперировать в городской больнице Лиды этого летчика, рассказывал мне, что перед операцией из его желудка было выкачено около литра коньяку.

ИЗ ГУРБАНА-ВАЯНСКОГО

Татранске долины, Словака отчий дом, Татранске долины Объяты мертвым сном. В зиме под'ремной Замолкло все в стране, Лишь ветер ночью темной Поет о старине. Поет, носясь по кручам, О славе прежних сес, О вятязе могучем, Прославившем свой меч. И крыльями своими Метя верхушки гор, Он с Татрами седыми Вступает в разговор: В татранские долины Ворвался к нам тевтон, Согнул словакам спины, Свой навязал закон. Несет он жребий бычий Народу под ярмом, И деловый обчяч Он топчет сапогом. Готов он вырвать голос Из чистых детских уст, Чтобы словацкий колос Созрел и хля и пухт. Члз с колыбели детской Словацкий чаш язык, Чтоб только по-немецки Из груди рвался крик... Народ, не дайся в руки Тевтонам-палачам, Словак, довольно мучки И жалоб по ночам! Встань, тебе знакомы Геройской славы дни, Удар, подобно грому, И расство отряхнул!

Перевод со словацкого Вл. НЕЙШТАДТ

Давид ХАИТ

Накатчик гравировного цеха Кузьмин работает на Трехгорке шестьдесят лет. Его помнят несколько поколений. И сам он — живая история фабрики, превратившейся из прохоровского выделения в крупный комбинат. Все сыновья Кузьмина работали на Трехгорке граверами и рашпильщиками. Они выросли, и Рощельская улица, на которой живет отец, давно стала неузнаваемой.

Война вошла в дом внезапно, и для стали непохожими один на другой. Каждый час вносит неожиданное в судьбу семьи.

Вот в дому подкатила машина. Не вышедший высокий человек в военной мундире с медалью «20 лет РККА». Быстрыми шагами поднялся по лестнице, к двенадцатой квартире.

Это сын Кузьмина Сергей, полковник. В квартиру он вошел, как всегда, шумно, и даже по звонку можно было догадаться о его приходе: мгновенно режалась дверь.

— Еду на фронт! И тотчас же закутывается старик. Глаза его остро блеснули из-под нависших бровей, и руки проворно обхватили сына. Щекы зарделись румянцем, точно вернулась к старушке молодость. — Езжай! — сказал он, быстро одеваясь. — Бей их. До конца.

ОДНА СЕМЬЯ

В Москве остался лишь старший сын Кузьмина Алексей, железнодорожный инженер. Седина давно засверкала в его волосах, но лицо румяное, как у отца. Он продолжает работать в НКПС, в Москве. Пока никуда не уехал, но в нем, как и в других, с первого дня войны появилась решимость, та готовность ко всему, какая заметна сейчас в наших людях.

Жизнь еще одного мужчины из большой кузьминской семьи изменилась. Это — зять, муж дочери Лидии. Он по-прежнему в народное ополчение вместе с оркестром вахтанговского театра, где работает музыкантом. Он смешил скрипку на винтовку. Пройдет война, и скрипка займет место и барда, как играла недавно.

С дочерью Лидией, артисткой Театра им. Ленинского комсомола, по сцене — Рюминой, старик выдвинул в эти дни мельком. Она выступает на участках, на антиутиках перед бойцами, всюду, где требуется ее искусство. Вся кузьминская семья, отравившая в себе маленькую частичку страны, поднялась, пошла на защиту родины, чтобы снова жить счастливо. Счастье это было добыто боями, и защищено оно будет боями.

И лишь об одном сожалеет сейчас старик рабочий Кузьмин. Ночью, стоя на посту у ворот своего дома, он сокрушенно думает о том, что прошла его молодость.

— Трех сыновей послал на фронт! — говорит он, стоя с сумкой, в которой лежит противогаз. — Пошла и четвертого, если нужно будет. А сам вот — стар. Глаза мои плохо видят. Семьдесят четвертый пошел. Был бы я помоложе! Дразна 6 до конца.

Баллада о дружбе

Если ты ранен в смертельном бою,
В жестокой сражен борьбе,
Твой друг разорвет рубаху свою,

Уже вдалеке сражения дым,
Пахнула травой и ветром лесным,
Маворонки поют,
«Возьми винтовку мою, побратим,

Еще не встало солнце, когда
В сырой, предрабачной мгле
Бегущих штыки немецких солдат...

Быть может, они разглядели тогда
Презмерный, последний миг, —
Как черными крыльями махнет беда,

Ну, а мы припомним, братцы,
Городок в цвету акаций,
Васильки во ржи,

Ну, а мы припомним, братцы,
Городок в цвету акаций,
Васильки во ржи,

Был ранен в бою командир Абаков,
Бандитской пулей шальной...
Когда мы, ребята, в атаку пошли,

Ты будешь жить, командир Абаков!
Еще не окончен путь,
Ты будешь жить, командир Абаков!

Если ты ранен в суровом бою,
В жестокой сражен борьбе,
Твой друг разорвет рубаху свою,

А. ПОПОВСКИЙ

ОТЕЦ И СЫН

В операционной идут приготовления.
Напряженная тишина. Торжественно моет
руки профессор Вишневыч, выволочивший
движения сестры и ассистента.

Процессы исчезли, самочувствие больного
неизменно оставалось прекрасным. Затем
являлась на помощь мажорская повязка,

Эта — отнюдь не преувеличение. Десять
лет Вишневыч думал об одном:
найти средство ослабить страдания боца,

Снова война. Наглый захватчик вторгся
в страну, чтобы железом и кровью
установить свою власть над свободным
народом.

В глубоком котловане операционной
хирурги работали каждый по-своему.
Ядром оперировали под хлороформом,

Преимущество, — признается Вишневыч, —
с тех пор, как стали доставлять
ко мне раненых, я чувствую себя
снова молодым.

МЫ НИЧЕГО ИМ НЕ ПРОСТИМ

В 1936 г. испанская реакция не
важно не осмелилась бы выступить с оружием
в руках против народа, не заручившись
опорой предвительно подержкой германского,

шерадзрающими рыданиями осиротевшей
матери. Я так много видел подобных
сцен! Но нет! Бедная женщина вдруг
выпрямилась, подняла глаза к небу,

На европейском континенте Испания
стала первой жертвой фашистского зверя.
Но не легко далась ему эта победа.

Испания! Моя великая и прекрасная
родина! Сколько горя и бедствий принесло
тебе чудовище с когтями тигра и душой
гиены!

Все мы знали о громадном военном и
материальном превосходстве врага, но это
не могло сломить боевой дух испанцев;

Это все дело рук германских и итальянских
фашистов и их испанских наемников.
Они упиваются сейчас своей победой
над безоружным народом.

Не дешево обошлась черно-коричневому
чудовищу победа над нашей страной.
И прежде всего, фашизм утратил в этой
борьбе тот ореол веселия и непобедимости,

Никогда не забуду я трагическую сцену,
свидетелем которой я был в каталонском
городке Реус. Только что закончилась
одна из тех ужасных воздушных

Фридрих ВОЛЬФ

Литература варваров

С первых же дней своей «работы»
фашистская литература занималась тем,
что выколачивала «идейное» оружие для
фашистской войны и в первую очередь для
«налета на восток».

новый германский «художественный
стиль», ибо своими мистическими кровожадными
разговорами они помогли обречь на
бессмысленную смерть сотни тысяч молодых
немцев.

Когда Гитлер пришел к власти, этот
военный эпизод был использован как тема
для целого ряда фашистских драм.

Национал-социалистическая литература
за все годы не дала ни одного подлинно
литературного произведения. Да и могут ли
сказать что-нибудь «идейный штурмовик» и
«спруская рота» человечеству? Можно ли
требовать от федрбейлер тугоумия и
жестокости, чтобы они показали нам подлинное
лицо германского народа?

Основная идея всех этих драм сводится к
тому, что германская молодежь должна в
«слепом доверии» идти на смерть. Это та
самая бессмысленная массовая смерть, на
которую теперь ведет германскую молодежь
безумная кукла вишиничей правительств
Германии, смерти, которую фашистские
нацисты все эти годы проповедывали в
целях «морального вооружения».

Восьмь лет фашистского режима совершенно
уничтожили германскую литературу,
германский театр, германское кино.
В этом нет ничего удивительного. Свободолюбивая
перевалка интеллигенция выжидая
была аммигрирована, а часть ее кончила
свои дни в концентрационных лагерях.

А Гейбеле — мысль, рожденная Вотаном,
«сморщенной германке», как его называют
дружники охранников отрядов, —
человек, который в своей жизни не слышал
ни слова о моральном вооружении.

Гигантская борьба, развернувшаяся на
полях и равнинах СССР, освободил не
только советские земли от обезумевших
захватчиков, — она освободила и Германию
и всю Европу от фашистских варваров.

Лень, мухры свет,
Тяжные страхи, боязнь смерти,
Страна заката,
Разно ты ее не знаешь?

Вторым лейтмотивом фашистской
литературы является восхваление человека-
гоподина, умеющего властвовать и не
задумываясь убивать. Это — новое издание
«белокорой бестии» Нице. Гейбеле —
говорит в своем романе «Михель»: «Итак,
летит мещане формирование характера.
Мне противен человек, работающий головой.
Мне внушает отвращение печатное
слово».

Быть может, Гейбеле говорит здесь о
своих собственных произведениях?
Руководитель гитлеровской молодежи
Бальдур фон Ширах выражает идеал
молодого немецкого ландскнехта в
следующих словах: «Молодежь не ищет уважения
к знаниям, и она ценит лишь адропорное
молодство».

Это презрительное отношение к учению,
к науке, эта долготелая шумиха по поводу
жесточайшей смерти под Лангемарком,
«стальной романтизм» и «степан покороны»
постепенно превратили германскую
молодежь в покорного олуха Гитлера.

Исты и Зурнигера, Гейбеле и Ширахи —
все они несут ответственность за

Литературный институт
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОБЪЯВЛЯЕТ
ПРИЕМ
на 1-й КУРС
В Институт принимаются члены
и кандидаты Союза советских писателей,
а также лица, имеющие
произведения, свидетельствующие о
творческой одаренности поступающего.
Все поступающие должны иметь
законченное среднее образование.
Принимать заявления до 10 августа.
Адрес: Тверской бульвар, 25.

ДЕЙСТВУЮЩИИ ФЛОТ. Три моториста торпедных катеров (слева направо) — старшина второй статьи А. Ларионов, главный старшина Д. Алешин и краснофлотец В. Толкачев, которые отличились выполнением боевых заданий командования. Фото Н. Янова. (ТАСС).

Проф. И. ЗВАВИЧ

ИДЕОЛОГИЯ ВЫРОЖДЕНИЯ

С тех пор, как в царствование Анны
Иоанновны мелкий курляндский дворянин
Бирон превратился во всесильного
временщика, балтийские немцы стали
пользоваться в царской России значи-

Розенберг, подобно, впрочем, самому Гит-
леру, тогда еще не имел германского
подданства. Белогвардейцы составляли
осажденный. Белогвардейцы составляли
осажденный. Белогвардейцы составляли

В 1893 г. в Ревеле, в семье одного из
таких балтийских немцев, торговца сред-
ней руки, родился пресловутый Альфред
Розенберг, впоследствии ставший идеоло-
гом германского фашизма. Война 1914—18

В основе этой пропаганды лежат две
группы идейки. Розенберг призывает к
принципиальной борьбе с гуманностью.
Он утверждает, что люди, являющиеся
только «арийцы» — «высшая раса». Остальные —

В 1918 г. Розенберг проводит в Ревеле, а
затем, после провала германской интервен-
ции в Прибалтике, бежит в Мюнхен.

Другая идеяка Розенберга, развитая и
в гитлеровской идеологии, заключается в
утверждении войны, как благодетельного и
очищающего человеческого процесса.

Двадцатипятилетний Розенберг может
кое-чему научить матерых контрреволю-
ционеров Баварии. Это «кое-что» заклю-
чается в его чернотелой идеологии и
идеологии и идеологии и идеологии и идеологии

Таким образом, идеология германского
фашизма. Германский фашизм винтал в се-
бя все эскрементами мировой реакции, в
том числе и Альфреда Розенберга.

Олег ЭРБЕРГ

РАССКАЗ ЛЕЙТЕНАНТА

Мы пробрались вдвоем через лесную
чащу. Заросли молодой ольхи и ореш-
ника прергали нам путь, и мы обходили
их. Я все время следил за компасом,

— Я хочу напиться воды.
— Вы слишком часто просите пить.
— После рома всегда хочется много
пить. Мне надо было наполнить флягу
водкой. От нее не такая жажда. Это мне
удружил обер-лейтенант Фогель.

— Где вы были? — спросил я его.
— Из Гарца, — ответил он, не обращая
в мою сторону и глядя перед собой.

— Вы слышите, ничего?
— Вам задолбал всего несколько вопро-
сов, — успокоительно сказал я. — На
них нетрудно ответить. А впрочем... не
знаю, что вы ответите на этот вопрос:
почему вы, сбросив бомбы на село, рас-
стреляли потом из пулемета жителей,
убегавших в лес? Вы стреляли с броне-
вого полета и видели, что это были стари-
ки, женщины и дети.

— Да, — сказал я. — Я читал «Путе-
шествование на Гарц» Генриха Гейне. Вам,
конечно, приходилось читать эту книгу?
— Нет, — ответил он. — Я не знаю
такого писателя. По крайней мере, в каталогах
наших библиотек он не значится.
— Слегка обернув ко мне голову, он про-
должал: — В Гарце прекрасная природа.
Если захотите когда-нибудь туда отпра-
виться, я вам дам письмо к моей матери.
— Помолчал немного, он снова за-
говорил: — Бедная мать... Сегодня день
ее рождения, а я не успел ей послать
поздравление.

— Что же вам помешало?
— Я хотел это сделать после... Мне хо-
телось пораздовать ее героическим подвигом.
Забыть, что мы враги, и тогда вы пой-
мете меня.
— Возле криницы, окруженной бархати-
стыми лопухами, он остановился.
— Разожмите мне руки, — сказал он.